

The book cover features a romantic illustration of a man and a woman in a dark, forest-like setting. The man, with long dark hair and a slight beard, wears a dark blue coat with gold buttons and is holding the woman's face. The woman has long, wavy blonde hair and is wearing a light-colored, off-the-shoulder dress. A glowing red heart is visible between them, surrounded by a misty, fiery aura. In the background, a large, glowing red orb (possibly a moon or a fire) is visible, along with silhouettes of birds and dark foliage. The overall color palette is dominated by dark tones, with bright reds and oranges from the glowing elements.

АВРОРА СТИЛЗ

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ ВЕРОНИКИ

В ОБЪЯТИЯХ ПЛАМЕНИ

Аврора Стилз

**Девять жизней Вероники.
В объятиях пламени.**

«Литнет»

2026

Стилз А.

Девять жизней Вероники. В объятиях пламени. / А. Стилз —
«Литнет», 2026

Свобода оказалась ловушкой, а враг — единственным союзником. Вырвавшись из чудовищного плена амулета, Вероника приходит в себя в стенах огромного, мрачного замка. Её тюремщик и спаситель — Дамиан. Тот самый, чью смерть она видела собственными глазами. Он вернулся, но каковы его истинные намерения? Здесь, за высокими стенами, кипит своя жизнь: Амалия, вернувшая молодость и здоровье, суетится по хозяйству, слуги бесшумно скользят по коридорам, накрывая столы и зажигая свечи. Но для Вероники этот замок — не убежище, а клетка, пусть и позолоченная. Каждый взгляд Дамиана, каждое его случайное прикосновение в тесной галерее или за обеденным столом — это ход в изнурительной психологической дуэли. Два одиночества. Два врага. Два человека, связанных прошлым, которое невозможно забыть. И десятки посторонних глаз, которые невольно становятся свидетелями их странной, почти интимной войны. Это передышка перед бурей или прелюдия к новой, ещё более изощрённой пытке? Вероника ищет ответы, но с каждым днём грань между ненавистью и притяжением становится всё тоньше. Амалия смотрит на неё с тревогой, слуги опускают глаза, чувствуя напряжение, а Дамиан продолжает свою игру — медленную, вязкую, неотвратимую. И самое страшное — Вероника начинает сомневаться: кого она боится больше — его или себя? И что произойдёт, когда все свидетели исчезнут, и они останутся наедине с правдой, которую он так долго скрывает?

Первая книга Вторая книга

© Стилз А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог.	6
Арт Вероника.	9
Арт Дамиан.	10
Арт амулет Бенедикта.	11
Глава 1.	12
Глава 2.	15
Глава 3.	18
Глава 4.	21
Арт 4.	25
Глава 5.	26
Арт платье.	29
Арт 6.	30
Глава 6.	31
Глава 7. Дамиан.	34
Глава 8.	37
Глава 9.	41
Арт Амалия.	44
Глава 10.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Пролог.

Мы вошли в ворота замка, и я замерла.

Это было не просто строение. Это был мир, высеченный из камня, вознесённый к небу, вросший корнями в самую душу этих земель. Стены поднимались так высоко, что у меня закружилась голова — серая, древняя кладка, поросшая мхом и лишайниками, хранила в себе столетия, а может быть, и тысячелетия. Бойницы смотрели на меня тёмными глазницами, а над самой высокой башней развевался флаг с гербом, который я ещё не знала, но который теперь, видимо, был и моим.

Внутренний двор оказался ещё величественнее. Мощёные камнем дорожки, фонтан в центре, из которого била прозрачная, сверкающая на солнце вода, галереи с изящными арками, уходящие вглубь, к главному зданию. Вокруг сновали слуги, но при нашем появлении все замерли, уставившись на меня — мокрую, босую, в лёгком платье, которое облепило тело после купания в море. Я чувствовала их взгляды, но не обращала на них внимания. Я смотрела на замок.

Он был огромен. Его масштабы поражали, подавляли, восхищали. Каждая деталь — от кованых ворот с замысловатыми узорами до витражей в высоких окнах, от каменных горгулий на карнизах до резных колонн, поддерживающих своды галерей — дышала историей, властью, величием. Я шла по этому дворцу, и сердце моё колотилось где-то в горле, но не от страха. От восхищения. От осознания того, что этот мир, эта жизнь, этот замок — теперь мои.

Из главного входа выбежали слуги. Женщины в строгих тёмных платьях, мужчины в простых камзолах, все с обеспокоенными лицами.

— Леди Вероника! — воскликнула одна из служанок, подбегая ко мне. — Вы мокрая! Вы вся дрожите! Что случилось? Где вы были?

Они засуетились вокруг меня, набрасывая на плечи тёплый, сухой плащ, расшитый серебряной нитью. Я почувствовала, как шерсть согревает, как пальцы служанок осторожно поправляют ткань, выжимая воду из моих волос.

— Лорд прибыл час назад, — прошептала другая, и её голос был полон тревоги. — Он ищет вас. Он будет... недоволен, что вас не было.

Я смотрела на их взволнованные лица, на их дрожащие руки, на их испуганные взгляды, и внутри меня всё пело. Недоволен? Пусть будет недоволен. Пусть злится. Пусть ищет. Я больше ничего не боялась. Я пережила Бенедикта, я пережила потерю Воланда, я пережила саму себя. И теперь я стояла в этом замке, мокрая, босая, счастливая, и улыбалась.

— Всё хорошо, — сказала я, и мой голос прозвучал ровно, спокойно. — Проводите меня к нему.

Слуги переглянулись, но спорить не посмели. Они расступились, и я пошла вперёд — по каменным плитам, по широким лестницам, по длинным коридорам, где горели факелы и висели гобелены, изображавшие древние битвы и великих королей. Я шла босиком, и холод камня был приятен, он напоминал мне, что я жива, что я здесь, что это не сон.

Амалия догнала меня, взяла за руку, её пальцы были тёплыми, уверенными.

— Ты странно себя ведёшь, — прошептала она. — Но... мне это нравится. Ты выглядишь счастливой.

— Я счастлива, — ответила я, и это была чистая правда.

Мы поднялись на последний этаж. Коридор здесь был шире, светлее, стены украшали не гобелены, а фрески — яркие, живые, словно только что написанные. В конце коридора возвышались тяжёлые дубовые двери, резные, с массивными бронзовыми ручками. Перед ними замерли два стражника в парадной форме — высокие, неподвижные, с алебардами в руках.

— Лорд ждёт, — сказал один из них, и в его голосе не было вопроса.

Стражи распахнули двери.

Я вошла.

Зал был огромным. Его стены уходили вверх, теряясь в полумраке под высокими сводами, где, казалось, жили сами тени. Узкие стрельчатые окна, затянутые цветными витражами, выпускали внутрь лишь приглушённый, таинственный свет, который ложился на каменный пол причудливыми узорами. Колонны из тёмного мрамора, украшенные золотыми капителями, уходили ввысь, поддерживая своды, которые, казалось, держали на себе само небо. В центре зала, на возвышении, стоял трон — массивный, вырезанный из цельного камня, с высокой спинкой, на которой был высечен тот самый герб, что я видела на флаге.

Но я смотрела не на трон. Я смотрела на человека, стоящего перед ним.

Он стоял спиной.

Широкие плечи, обтянутые тёмным камзолом, длинные тёмные волосы, стянутые на затылке, руки, сложенные за спиной. Вся его фигура дышала властью, спокойствием, той холодной, негибимой силой, которую я знала так хорошо. Которая преследовала меня сквозь века. Которая научила меня ненавидеть, бояться, надеяться.

Я узнала бы эту спину из тысячи.

Дамиан.

Имя вырвалось из меня раньше, чем я успела подумать, раньше, чем смогла сдержать себя. Оно прозвучало в тишине зала громко, отчётливо, как выстрел.

— Дамиан!

Он медленно обернулся.

Свет из витражей упал на его лицо, и я увидела его — того самого, чей образ вьёлся в мою память на сто лет заточения, чей голос звучал в моей голове, когда я теряла надежду, чьи глаза смотрели на меня с ледяной насмешкой и скрытой, непонятной болью. Он был здесь. Живой. Настоящий.

— Вероника, — произнёс он, и его голос — низкий, бархатистый, с той самой насмешливой ноткой — разлился по залу, как дорогое вино по хрусталию. — Моя дорогая жена.

Он улыбнулся. Та самая улыбка — холодная, красивая, опасная, — которую я ненавидела всем сердцем, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

И я бросилась к нему.

Внутри меня всё кипело. Ярость, боль, отчаяние, надежда — всё смешалось в один огненный ком, который требовал выхода. Мои пальцы сжались в кулак, и я летела к нему, чтобы ударить, чтобы заставить его почувствовать хотя бы часть того, что чувствовала я, чтобы выплеснуть всё, что копилось годами, столетиями, жизнями.

Но он прочитал мои мысли. Как всегда.

Его рука взметнулась, перехватив моё запястье на лету, и я оказалась в его объятиях — крепких, стальных, неумолимых. Он прижал меня к себе, и я чувствовала жар его тела, запах — кожа, металл, что-то неуловимо знакомое. Его губы коснулись моего уха, и его голос, тихий, предостерегающий, прозвучал только для меня:

— Держи себя в руках. Здесь много лишних глаз.

Я замерла. Ледяная волна рассудка накрыла огонь, что бушевал во мне. Я почувствовала взгляды слуг, замерших у дверей, стражников, стоящих по стенам, Амалии, застывшей на пороге. Все они смотрели на нас — на лорда и его жену, встретившихся после разлуки. Они ждали спектакля.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как ярость отступает, как лицо разглаживается, как на губах сама собой возникает улыбка — мягкая, нежная, счастливая. Та самая улыбка, которую ждали. Та самая, что должна была быть у жены, встречающей мужа.

Я подняла голову, заглянула в его глаза — чёрные, бездонные, в которых плясали те самые искры, что я знала так хорошо. И я улыбнулась своей самой милой, самой искренней улыбкой.

— Как же я рада, что ты вернулся, любовь моя, — произнесла я, и мой голос прозвучал мягко, вкрадчиво, как шелест шёлка.

Я прижалась к нему крепче, чувствуя, как его руки сжимают мою талию, как его дыхание становится глубже. А потом я сделала то, чего он явно не ожидал.

Я впилась в его губы поцелуем.

Это был не нежный, супружеский поцелуй. Это был удар. В нём была вся моя ярость, вся моя боль, всё моё отчаяние. И в то же время — облегчение, радость, надежда. Это было безумие. Всё, что я чувствовала к этому человеку, выплеснулось в этом поцелуе.

Дамиан вздрогнул. Я почувствовала, как его тело напряглось, как его руки дрогнули. На одно мгновение — одно короткое, бесконечное мгновение — он замер, не отвечая, и я подумала, что переиграла.

А потом он ответил.

Его руки сжали меня сильнее, прижимая к себе, и его губы — те самые, холодные, насмешливые, жестокие — вдруг стали мягкими, горячими, живыми. Он целовал меня так, будто мы не виделись века, будто я была его спасением, его проклятием, его единственной надеждой. В его поцелуе было всё — власть и покорность, ненависть и нежность, приговор и прощение.

Я чувствовала, как его пальцы вплетаются в мои мокрые волосы, как его дыхание смешивается с моим, как мир за пределами этого зала перестаёт существовать. Не было ни слуг, ни стражников, ни Амалии, ни замка. Был только он. И я. И этот поцелуй, который длился вечность.

Арт Вероника.

Арт Дамиан.

Арт амулет Бенедикта.

Глава 1.

Поцелуй оборвался так же внезапно, как и начался.

Дамиан резко отстранился, его руки, только что сжимавшие мою талию, замерли, а затем отпустили меня, словно я была раскалённым железом. Я стояла, чувствуя, как дрожат губы, как сердце колотится где-то в горле, как кровь стучит в висках. Что это было? Зачем я его поцеловала? Игра? Порыв? Желание запутать его, заставить потерять контроль, как он терял его в видениях, когда я была королевой, а он — моим подданным?

Я не знала. Но его взгляд — тёмный, прожигающий, полный такого огня, которого я никогда не видела у него раньше, — говорил, что мой план удался. Или провалился. Я уже не понимала.

Амалия и слуги замерли, как статуи. Их глаза были широко раскрыты, рты приоткрыты, и в этой общей, всеобъемлющей тишине я слышала только своё дыхание и его — тяжёлое, прерывистое, сбитое.

Дамиан медленно, очень медленно обвёл взглядом комнату. Его лицо было спокойным, почти невозмутимым, но я видела, как напряжены его плечи, как побелели костяшки пальцев, сжатых в кулаки. Он смотрел на Амалию, на слуг, на эту живую, дышащую стену, которая отделяла нас от остального мира.

— Оставьте нас, — произнёс он, и его голос был тихим, но в этой тишине он прозвучал как удар грома. — Я хочу побыть наедине со своей женой.

Он сделал паузу, и на его губах заиграла та самая лёгкая, едва уловимая улыбка, от которой у меня по коже бежали мурашки.

— Я чувствую, будто не видел её целую вечность.

Слово «жена» прозвучало в его устах так естественно, так собственнически, что у меня внутри всё перевернулось. Я усмехнулась — не смогла сдержать эту горькую, ядовитую усмешку. И Дамиан заметил. Его глаза сузились, но он ничего не сказал. Только кивком отпустил слуг.

Амалия колебалась. Она смотрела на меня, в её взгляде были тревога, беспокойство и немой вопрос: «Ты справишься?» Я чуть заметно кивнула, давая понять, что всё в порядке. Что я не в опасности. По крайней мере, не в той, от которой она могла бы меня защитить.

Слуги бесшумно выскользнули за дверь. Амалия вышла последней, бросив на меня полный сомнения взгляд, и закрыла за собой тяжёлую дубовую дверь. Мы остались одни.

В комнате было тихо. Только потрескивание свечей в высоких канделябрах, только тихий шелест портьер, колышущихся от сквозняка, только наше дыхание — моё сбивчивое, его глубое, размеренное. Он стоял у окна, и лунный свет, пробивающийся сквозь тяжёлые шторы, падал на его лицо, делая его бледным, почти призрачным. Я осталась у двери, прижавшись спиной к холодному дереву, чувствуя, как оно давит на лопатки, как каждая доска впиивается в позвоночник.

— Ну вот, — произнёс он, и его голос нарушил тишину. — Теперь можешь говорить. Или ты хочешь ударить меня? А может, ещё что?

На его губах снова заиграла та самая лёгкая, почти насмешливая улыбка. Он смотрел на меня, и в его взгляде не было ни гнева, ни раздражения — только любопытство. Только тот самый хищный, изучающий интерес, который я так хорошо помнила.

— Ты удивила меня, Вероника, — продолжил он, делая шаг ко мне. — Раньше ты была как открытая книга. Книга глупая и пустая, которую я мог прочесть с первого взгляда. А теперь... — он остановился в нескольких шагах, наклонил голову, и его глаза скользнули по

моему лицу, по губам, по шее, по тому месту, где когда-то светились знаки. — Теперь ты становишься загадочной. И мне это нравится.

— Нравится? — я усмехнулась, чувствуя, как внутри закипает злость. — Просто потому что я тебя поцеловала? Это был спектакль, Дамиан. Для твоих слуг. Для Амалии. Не думай, что это значит хоть что-то.

Я сделала шаг вперёд, сокращая расстояние между нами, и вложила в свой взгляд всю ту ненависть, что копилась во мне все эти дни.

— Это не повторится. Никогда. Слышишь?

Он не отступил. Не отвел взгляд. Только улыбнулся — шире, загадочнее, и от этой улыбки у меня внутри всё сжалось.

— Повторится или нет, — произнёс он, и его голос стал ниже, вкрадчивее, — решать не нам.

— Уж я-то точно знаю, что не повторится! — отрезала я, чувствуя, как голос срывается на крик.

— Вероника, Вероника, — он покачал головой, и в этом жесте было столько снисходительности, столько уверенности в своей правоте, что мне захотелось его ударить. — Ты совсем ничего не знаешь. Пока что.

— Уж поверь мне, — прошипела я, подходя к нему почти вплотную, так что наши лица разделяли сантиметры, — я знаю гораздо больше, чем ты думаешь. В моей голове, в моём сознании всплывает всё больше видений. Я знаю, что ты сделал с Воландом!

Он замер. Его улыбка исчезла, лицо стало напряжённым, глаза — тёмными, непроницаемыми.

— Когда я была в дереве, — продолжала я, и каждое слово падало, как капля расплавленного свинца, — он хотел спасти меня. А ты... ты убил его! Предал! Напал исподтишка! Я ненавижу тебя, Дамиан. Ненавижу!

Я кричала ему в лицо, и слёзы, которые я сдерживала так долго, наконец потекли по щекам, обжигая, как кислота.

— Что ты несёшь? — взревел он, и в его голосе впервые прорвалось что-то живое, настоящее — не игра, не маска, а боль. — Воланд — мой брат! Даже если бы он был самым отъявленным убийцей, даже если бы он предал всё, что нам дорого, я не смог бы поднять на него руку! Ты слышишь? Не смог бы!

— Я всё видела! — закричала я, впиваясь ногтями в его плечи, тряся его, пытаюсь достучаться до той части его души, которая, как мне казалось, умерла навсегда. — Ты не обманешь меня! Кинжал в его сердце — это был твой удар! Я видела твоё лицо! Видела, как ты смотрел на него, как вынимал клинок, как он падал!

— Что ты видела? — его голос стал тихим, почти шёпотом, и в этом шёпоте было столько напряжения, столько отчаяния, что я замерла. — Расскажи мне. Всё. Каждую деталь.

Я смотрела в его глаза — тёмные, глубокие, полные такой муки, которую я не могла понять, не могла объяснить. И я рассказала. О видении. О замке. О том, как он стоял над телом Воланда, как вынимал кинжал, как смотрел на кровь, как исчезал, оставляя тело брата на холодном каменном полу.

Дамиан слушал, не перебивая. Его лицо было белым, как мел, руки дрожали, и впервые за всё время нашего знакомства я увидела в нём не врага, не палача, не манипулятора, а человека. Живого, страдающего, сломленного.

— Это был не я, — прошептал он, когда я закончила. — Я никогда не убивал Воланда. Я любил его. Он был моим братом. Моей семьёй. Я был обязан ему жизнью.

Он отвернулся, прошёл к окну, встал, глядя в темноту.

— Его жена... она нашла в себе силы убить его, когда это было нужно. Когда он сам попросил её об этом. Я видел только его мёртвое тело. И я... я оплакивал его. Я проклинал себя за то, что не смог спасти.

Он замолчал, и в этой тишине я слышала, как бьётся его сердце — или мне только казалось?

— Что ещё ты видела? — спросил он, не оборачиваясь.

— Много чего, — ответила я, и мой голос уже не дрожал. — Амалия помогала мне.

— Амалия? — он резко обернулся, и в его глазах мелькнуло что-то, чего я не могла понять. — Но её не было в той Вселенной.

— Конечно, не было, — я усмехнулась, и в этой усмешке была горечь. — Она была из первой Вселенной. Совсем старая, замученная, но она всё помнила и всё знала. Она умерла на моих руках, и её душа оказалась внутри меня. Я слышала её, я говорила с ней.

Я сделала шаг к нему, вглядываясь в его лицо.

— Разве ты не в курсе? Ты же наблюдал. Как всегда.

— Я не наблюдал, — он покачал головой, и в его голосе прозвучала такая усталость, что у меня сжалось сердце. — Не мог. На то были причины.

— Какие причины?

Он молчал. Смотрел на меня, и в его глазах я читала борьбу — между желанием сказать правду и необходимостью хранить молчание.

— Вероника, — наконец произнёс он, и его голос был тихим, почти умоляющим, — Амалии не было в той Вселенной. И уж тем более Амалии из твоей прошлой жизни. Я же говорил тебе — кроме тебя и меня, все остальные не настоящие. Да, их внешность тебе знакома. Да, их души живые. Но каждый раз... каждый раз всё начинается заново.

— Что за бред? — я вспыхнула, чувствуя, как внутри закипает ярость. — Там была Амалия! Я обнимала её! Я чувствовала её тепло! Она умерла на моих руках, и её душа стала частью меня!

— Это была не Амалия, — он произнёс это твёрдо, без тени сомнения, и от этой твёрдости у меня похолодело внутри.

— В смысле — не Амалия? — мой голос сорвался на шёпот. — Как такое вообще может быть?

Дамиан подошёл ко мне, взял за плечи, заглянул в глаза. Его лицо было так близко, что я чувствовала его дыхание, видела каждую морщинку, каждый блик в его глазах.

— Нас нашли, Вероника, — сказал он, и в его голосе было что-то, чего я никогда не слышала у него раньше. Страх. Настоящий, неприкрытый страх. — В той Вселенной настоящие были не только мы с тобой. Кто-то ещё знал. Кто-то ещё был реален. И этот кто-то... он пришел за нами.

Глава 2.

Я смотрела в его глаза, и мир вокруг меня рушился. Стены замка, свечи, лунный свет — всё это вдруг стало призрачным, ненастоящим, как декорации в театре. Остались только мы двое. Только расстояние в несколько шагов между нами. Только его слова, которые переворачивали всё, что я знала о себе, о нём, о нашей жизни.

— Кто? — прошептала я, чувствуя, как внутри всё замирает. — Кто за нами пришёл?

Дамиан молчал. Он стоял у окна, и лунный свет падал на его лицо, делая его бледным, почти прозрачным. Его пальцы сжимали подоконник так сильно, что побелели костяшки. Я видела, как напряжены его плечи, как тяжело он дышит. Дамиан, который никогда не показывал слабости. Дамиан, который был для меня воплощением холода, расчёта, неуязвимости. Сейчас он дрожал. Не заметно, не явно, но я чувствовала эту дрожь, как чувствуют приближение грозы за несколько мгновений до первого удара грома.

— Ты не готова, — наконец произнёс он, и его голос был глухим, чужим. — Пока не готова.

— Дамиан... — начала я, делая шаг к нему.

— Вероника, — он резко обернулся, и его глаза — тёмные, глубокие, полные такой муки, которую я не могла понять, — остановили меня. — Прошу тебя. Доверься мне. Хотя бы раз. Доверься.

Я смотрела в его глаза, и в них не было лжи. Только страх. Только отчаяние. Только мольба, которую я не могла игнорировать. Но я устала быть пешкой. Я устала не знать правды. Я устала верить на слово тому, кто уже однажды обрёк меня на сто лет одиночества.

— Хорошо, — сказала я, и мой голос был твёрже, чем я себя чувствовала. — Но только пока. И только потому, что я устала бороться. Но я хочу знать правду. Не всю, если ты считаешь, что я не готова. Но хотя бы часть.

Он кивнул, и в этом кивке было столько облегчения, что у меня сжалось сердце. Он отошёл от окна, сел в кресло у камина, жестом приглашая меня сесть напротив. Я осталась стоять. Мне нужно было расстояние. Мне нужно было видеть его лицо целиком, без игры света и тени.

— Что теперь? — спросила я.

— Теперь мы будем ждать, — ответил он, и его голос снова стал ровным, почти спокойным. — И готовиться.

— К чему?

— К войне, Вероника. Настоящей войне. Не той, что идёт на твоих землях, а той, что идёт между мирами.

Он замолчал, давая мне время переварить услышанное. Я молчала, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугую, холодную ком.

— Пока мы будем здесь, — продолжил он, — неизвестно сколько времени. Мне нужно подумать. Нужно подготовиться. Здесь, в этой Вселенной, нас никто не найдёт. По крайней мере, у нас есть время.

— Эта Вселенная? — переспросила я. — Что это значит?

— Это значит, что мы в месте, которое ещё не создано до конца, — он говорил медленно, словно подбирал слова, которые я смогу понять. — Это привал, Вероника. Передышка. Ничего больше. Здесь нет правил, нет законов, нет времени. Только мы и этот замок. И всё, что в нём.

Я смотрела на него, и в голове роились вопросы, один страшнее другого.

— Амалия, — произнесла я, и его лицо на мгновение напряглось. — Кто она в этом мире? Что нас связывает?

Дамиан откинулся на спинку кресла, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на усталость.

— Амалия — твоя сестра, — сказал он, и каждое слово падало, как камень в ледяную воду. — Она здесь, потому что ты хочешь, чтобы она была здесь. Потому что твоя память о ней создала её в этом мире. Она не настоящая, Вероника. Но она живая. По крайней мере, пока ты в это веришь.

Я хотела спросить больше, но он поднял руку, останавливая меня.

— А я твой муж, — произнёс он, и это слово ударило меня, как пощёчина. — В этом мире. В этой недостроенной Вселенной. Больше ничего важного здесь нет. Только эти роли. Только эти связи. Только этот замок, где ты можешь пока передохнуть.

— Передохнуть? — я усмехнулась, и в этой усмешке было столько горечи, что у меня зашипало в горле. — Рядом с тобой? Дамиан, ты серьёзно? Ты — причина всех моих кошмаров. Ты заточил меня в дереве на сто лет. Ты играл со мной, как с пешкой. И теперь ты говоришь, что я могу отдохнуть рядом с тобой?

Он не отвел взгляда. Не оправдывался. Только смотрел на меня, и в его глазах была такая бездна боли, что я почти поверила в его искренность.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — сказал он тихо. — Но я не прошу прощения. Не сейчас. Я хочу, чтобы ты знала — я не наблюдал за тобой в той Вселенной долгое время, но я видел как тебя поглотил амулет.

— Как так ты вдруг решил понаблюдать за мной в самый подходящий момент? — я шагнула к нему, чувствуя, как внутри закипает ярость.

— Я почувствовал, что ты в опасности, — он поднялся, и теперь мы стояли друг напротив друга, разделённые лишь узким пространством, которое казалось пропастью. — Я увидел, как тебя засасывает в амулет. Всё вышло из-под контроля. Мне пришлось потратить огромное количество сил, чтобы вытащить тебя оттуда и затащить сюда.

Он замолчал, и я видела, как тяжело ему даются эти слова. Дамиан, который всегда был уверен в себе, который никогда не признавал своих ошибок, сейчас говорил так, будто каждое слово вырывали у него силой.

— Ты хочешь сказать, что спас меня? — спросила я, и в моём голосе звучало недоверие.

— Я хочу сказать, что не смог позволить тебе оказаться навечно в ловушке, — ответил он. — Называй это как хочешь. Спасение. Эгоизм. Страх. Мне всё равно. Ты здесь. Ты жива. А всё остальное сейчас не имеет значения. Мы еще вернемся к этому разговору, но позже.

Я смотрела на него, и внутри меня боролись два чувства. Ненависть, которая была со мной всё это время, и что-то новое, хрупкое, пугающее. Благодарность? Понимание? Или просто усталость, которая делала меня уязвимой?

— Я не могу здесь отдыхать, — сказала я, и мой голос дрогнул. — Не могу. Рядом с тобой я всегда настороже. Всегда жду подвоха. Всегда боюсь, что это очередная ловушка.

— Знаю, — он кивнул, и в этом кивке не было обиды, только принятие. — Но другого выбора нет. Здесь ты в безопасности. По крайней мере, пока.

— А Амалия? — спросила я, чувствуя, как сердце сжимается от страха за неё. — Она тоже в безопасности?

— Амалия — твоя сестра, — повторил он. — Она здесь, потому что ты хочешь, чтобы она была здесь. Пока ты жива, она будет жива. Это всё, что я могу сказать.

Я замолчала. Внутри меня было пусто и тихо, но в этой пустоте зарождалось что-то новое. Что-то, что я не могла назвать. Что-то, что пугало меня больше, чем любой враг.

— Хорошо, — наконец произнесла я. — Я останусь. Но не ради тебя. Ради себя. Ради Амалии. Ради того, чтобы понять, что происходит.

Дамиан кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на облегчение.

— Этого достаточно, — сказал он. — Пока достаточно.

Он подошёл к двери, остановился на пороге.

— Твоя комната — в конце коридора. Амалия спит рядом. Если я понадобится, ты всегда сможешь меня легко найти.

Он вышел, не оглядываясь. Дверь за ним закрылась, и я осталась одна. В огромной комнате, в лунном свете, в этой странной, зыбкой тишине, которая была страшнее любой бури.

Я подошла к окну. Луна висела низко, огромная, неестественно яркая. В её свете мир казался нереальным, призрачным, как декорации, которые вот-вот уберут, открывая пустоту.

А впереди была война. Война между мирами. И мы были её эпицентром.

Я чувствовала это каждой клеточкой своего тела.

Глава 3.

Я вышла из гостиной и направилась по длинному, тускло освещённому коридору в свою комнату. Свечи в настенных бра трепетали, отбрасывая танцующие тени на каменные стены, увешанные старинными гобеленами. Мои шаги тонули в толстом ворсе ковровой дорожки, и это безмолвие, эта мягкая, уютная тишина казались мне благословением после всего, что я пережила.

Дверь в мою комнату оказалась в самом конце коридора — массивная, резная, из тёмного дуба, с бронзовой ручкой в форме львиной головы. Я толкнула её, и она бесшумно отворилась, выпуская меня в просторную, залитую лунным светом спальню.

Это было прекрасно.

Комната оказалась огромной, но не пугающе-пустой, а какой-то по-домашнему уютной. Высокий потолок с лепниной терялся в полумраке, а огромное стрельчатое окно занимало почти всю дальнюю стену. За ним, в серебристом сиянии луны, простиралось море. Бескрайнее, спокойное, почти неподвижное — вода переливалась, как жидкое серебро, и лунная дорожка тянулась от горизонта до самого подножия замка. Я подошла к окну, прижалась лбом к прохладному стеклу и замерла, вглядываясь в эту завораживающую картину. Волны лениво лизали скалы внизу, их шум доносился приглушённо, убаюкивающе, как колыбельная.

Эта комната казалась мне странно знакомой. Я никогда не была здесь раньше — но что-то в изгибе этих стен, в рисунке паркета отзывалось где-то глубоко внутри, в тех самых потаённых уголках памяти, которые я только начинала ощущать. Может быть, это была комната из другой жизни? Из той, которую я не помнила, но которая постепенно проступала сквозь туман забвения?

Я медленно пошла по комнате, касаясь пальцами предметов, как слепая, которая впервые прозрела.

В углу стоял массивный платяной шкаф из того же тёмного дерева. Я распахнула его створки — и ахнула. Внутри были многочисленные наряды. Красивые, изящные, словно сошедшие с картин старых мастеров. Шёлк, бархат, тонкое кружево. Платья всех оттенков — от небесно-голубого до глубокого изумрудного, от молочно-белого до тёплого, золотистого. Я провела пальцами по ткани — она была мягкой, струящейся, приятной на ощупь. Моя рука замерла на одном из платьев — нежно-лавандовом, с тонкой вышивкой по вороту и рукавам. Что-то внутри меня дрогнуло. Оно казалось мне почти родным.

Я закрыла шкаф и подошла к туалетному столику. Массивное зеркало в резной раме отражало моё лицо — бледное, с лёгким румянцем на щеках, с глазами, в которых ещё плескалась память о пережитом, но уже зарождалось что-то новое. На столике стояли флаконы с духами, хрустальная баночка с кремом, старинная щётка для волос с серебряной ручкой. Я взяла флакон, поднесла к носу — запах был нежным, цветочным, с лёгкой ноткой ванили. Я брызнула немного на запястье, вдохнула и улыбнулась. Хорошо. Здесь было хорошо.

Я подошла к камину. Он был сложен из тёмного камня, и в его глубине ещё тлели угли, наполняя комнату едва уловимым теплом. Над каминной полкой висела небольшая картина — морской пейзаж, такой же спокойный и серебристый, как вид из окна. Маленький парусник замер на глади воды, и казалось, что время для него остановилось навсегда.

В комнате было спокойно. Такое редкое, драгоценное спокойствие, когда ты можешь просто дышать, не оглядываясь, не ожидая удара. Я села на край кровати — широкой, с высокими столбиками и балдахином из полупрозрачной ткани — и провела рукой по прохладному шёлку покрывала. Где-то там, за окном, шумело море. Где-то там, в другой Вселенной, остались враги, опасности, боль. А здесь... здесь была тишина. И я позволила себе просто быть в ней.

Вдруг в дверь постучали. Три коротких, тихих удара.

— Войдите, — сказала я, и дверь приоткрылась.

В щель просунулась голова Амалии. Её лицо было озабоченным, глаза немного испуганными, но при виде меня, сидящей на кровати, она облегчённо вздохнула и вошла в комнату.

— Вероника, — она подошла ко мне, села рядом, и её пальцы тут же вцепились в мою руку. — Ты как? Он не ругался? Из-за нашего купания... я боялась, что он рассердится. Он такой... такой...

— Всё хорошо, — я улыбнулась, чувствуя, как её тревога передаётся мне, но не заражая, а только согревая. — Никто ни на кого не ругался. Мы просто поговорили. Всё нормально.

Амалия выдохнула, и её плечи опустились.

— Слава богам. А я уж думала...

— Не думай, — перебила я. — Скажи лучше, чем хочешь заняться сегодня вечером? Может, сыграем в карты? Или просто поболтаем?

Она удивлённо моргнула, и её щёки залил лёгкий румянец.

— Ты... ты не проведёшь вечер с мужем? И даже ночь?

Её голос стал почти шёпотом, и я поняла, о чём она спрашивает. Амалия покраснела ещё сильнее и опустила глаза.

Я отрицательно покачала головой, чувствуя, как уголки губ сами собой поднимаются в улыбку.

— Нет, Амалия. Сегодня вечером я буду с тобой.

Она помолчала, теребя край своего рукава, а потом вдруг спросила, не поднимая глаз:

— Он... он не делает тебе больно? Во время... ну... того самого?

Я замерла. А потом рассмеялась. Тихо, сдержанно, но тепло.

— Нет, Амалия. Всё хорошо. Тебе не о чем беспокоиться.

Она подняла на меня глаза, и в них было столько наивной, детской тревоги, что моё сердце сжалось от нежности.

— Просто я видела тот поцелуй, — прошептала она. — Все видели. Это было... это было так странно. Раньше ты никогда не целовала его при всех. И он тоже. А тут...

— А тут просто такой момент настал, — я взяла её за руку, сжала пальцы. — Такое зрелище не для посторонних глаз, согласна. Но ничего страшного не случилось.

Она кивнула, но по её лицу я видела, что она всё ещё не до конца успокоилась.

— Ты рада, что он вернулся? — вдруг спросила она, и в её голосе прозвучала такая надежда, что у меня перехватило дыхание.

Я посмотрела на неё, на это милое, взволнованное лицо, и загадочно улыбнулась. Думала о прошлых жизнях, о своём спасении, о том, как Дамиан вытащил меня из амулета, о том, что я не могу рассказать ей всего — не сейчас и никогда. Но я была рада быть здесь. Рядом с ней. В этой тишине. В этом покое.

— Да, — сказала я. — Я рада.

Амалия просияла. А потом её лицо снова стало задумчивым, и она спросила, наклонив голову:

— Теперь вы будете делать ребёнка?

Я поперхнулась воздухом. А потом из меня вырвался такой взрыв смеха, что я едва не свалилась с кровати. Я хохотала, запрокинув голову, чувствуя, как слёзы текут по щекам, как

живот сводит от смеха, как из груди вырываются звуки, которые я не издавала уже очень, очень давно.

Амалия смотрела на меня с недоумением и лёгкой обидой.

— А что я такого сказала? — спросила она, надув губы.

Я пыталась успокоиться, но каждое воспоминание о её вопросе вызывало новый приступ.

— С чего вдруг ты так решила? — выдавила я сквозь слёзы смеха.

— Ну... — Амалия пожала плечами, — ты сама говорила мне, что хочешь стать матерью.

И что ждёшь не дождёшься, когда муж вернётся, чтобы наконец...

Она замолчала, не договорив, но я и так всё поняла. И снова расхохоталась.

Сама мысль о том, чтобы я делала ребёнка с Дамианом, сводила меня с ума.

Я представила его лицо, если бы он услышал этот разговор. Его вечную невозмутимость, его холодную усмешку, его глаза, в которых плескалась бы такая бездна недоумения и, возможно, смущения, что я захохотала ещё громче.

— Вероника, я не понимаю, что тут смешного, — обиженно сказала Амалия, но в уголках её губ уже пряталась улыбка.

— Ничего, — я вытерла слёзы, чувствуя, как легко и свободно стало на душе. — Ничего, Амалия. Ты просто... ты просто насмешила меня. Ты же видела какой он грозный! Можешь себе представить его с младенцем на руках? Я вот точно нет! Не сейчас и скорее всего никогда!

Амалия кивнула, но я видела, что она не до конца поняла. И это было даже лучше. Пусть эта наивность, эта детская вера в то, что всё может быть просто, останется с ней как можно дольше.

Я встала, подошла к окну, посмотрела на море. Луна поднялась выше, и лунная дорожка стала шире, ярче. Где-то там, в другой комнате, сидел Дамиан. Мой муж. По крайней мере, здесь. По крайней мере, в этой ещё не созданной до конца Вселенной.

Я усмехнулась, мысленно обращаясь к нему, и прошептала: «Я твой муж, и больше ничего важного». Ну-ну. Так я и поверила!»

Амалия подошла ко мне, встала рядом, и мы вместе смотрели на море — две сестры, две женщины, два осколка одной старой, давно забытой истории.

— Давай сыграем в карты, — сказала я. — И выпьем вина.

— Давай, — улыбнулась Амалия.

И мы пошли искать колоду карт, оставив за спиной лунный свет, шум моря и тишину огромного, пустого замка, который на одну короткую, драгоценную ночь стал нашим домом.

Мне было хорошо. Впервые за долгое время — просто хорошо.

Глава 4.

Мы с Амалией проговорили всю ночь. Свечи догорели до самого основания, их пламя трепетало в лужицах воска, отбрасывая последние, умирающие тени на стены. Мы сидели на моей кровати, укутавшись в одно одеяло на двоих, и говорили, говорили, говорили...

Я слушала её голос — молодой, звонкий, без той хрипотцы, что появилась у неё в старости, — и чувствовала, как внутри разливается тепло.

А под утро, когда за окном начал заниматься серый, предрассветный свет, я услышала, как её дыхание стало ровным и глубоким. Она уснула, уронив голову мне на плечо, и я не стала её будить. Я просто сидела, смотрела, как первые лучи солнца золотят её волосы, как её ресницы дрожат во сне, и чувствовала себя... счастливой.

Но в это счастье, словно яд, стали просачиваться странные мысли.

А вдруг я всё ещё внутри амулета? Вдруг Бенедикт не отпустил меня, и весь этот замок, Амалия, Дамиан — лишь иллюзия, которую он создал, чтобы мучить меня? Вдруг я тону в той чёрной пустоте, а этот свет, это тепло, этот покой — только насмешка, только новая, ещё более изощрённая пытка?

Я зажмурилась, прогоняя эти мысли. Нет. Я не хочу. Даже если это иллюзия — а ведь все эти Вселенные, как сказал Дамиан, в любом случае были иллюзиями, — я хочу жить этим моментом. Я хочу дышать этим воздухом, чувствовать тяжесть Амалии на своём плече, видеть этот рассвет. Даже если всё это ненастоящее, мои чувства — настоящие. И я имею право на это маленькое, хрупкое счастье.

Я осторожно переложила Амалию на подушку, укрыла её одеялом и подошла к окну.

Этот мир выглядел странно. За пределами замка не было ничего. Ни деревень, ни дорог, ни лесов — только бескрайнее, серебристое море, уходящее к горизонту, и скалы, об которые оно билось. Замок стоял на краю земли, и казалось, что дальше — только пустота. Я вспомнила слова Дамиана: «Эта Вселенная ещё не создана до конца». И поверила в них окончательно.

Но почему-то эта пустота не пугала меня. Она была... честной. Без лжи, без масок, без тех бесконечных интриг, которые плелись в других мирах. Здесь было только то, что есть. И я решила — я не буду искать подвох. Хотя бы здесь. Хотя бы сейчас.

Следующий день был прекрасен.

Солнце поднялось высоко, залил замок золотым светом. Мы с Амалией гуляли по территории, и каждый уголок этого места завораживал. Сад, спускающийся к морю, был полон цветов, которых я никогда не видела — алых, лиловых, золотых, они клонились под тяжестью собственной красоты. Фонтаны пели свои прохладные песни, и в их брызгах танцевали крошечные радуги. Каменные террасы, увитые плющом, вели к небольшим беседкам, откуда открывался вид на бескрайнюю водную гладь.

Амалия смеялась, срывала цветы, вплетала их в мои волосы, и я не сопротивлялась. Я чувствовала себя девчонкой — лёгкой, беззаботной, свободной.

Дамиана я не видела весь день. И, к собственному удивлению, не переживала об этом. Конечно, нам предстояло многое обсудить — его слова о «настоящих» врагах, о войне между мирами, о том, кто мы друг другу на самом деле. Но сейчас я не хотела думать об этом. Сейчас я хотела просто наслаждаться моментом. Моментом спокойствия. Моментом радости. Моментом, когда я могла просто дышать, не оглядываясь.

Вечером ужин накрыли в большом зале. Огромный стол из тёмного дуба, за которым могли бы разместиться десятки гостей, был сервирован на троих. Серебряные подсвечники с

высокими свечами отбрасывали на стены причудливые тени, и эти тени словно плясали под звуки невидимого оркестра.

Дамиан сидел напротив.

Так далеко, что я едва различала выражение его лица. Но в то же время я чувствовала его присутствие всем своим существом — каждой клеточкой, каждым нервом, каждым вздохом. Он был там, на другом конце стола, и его молчание было плотным, почти осязаемым.

Он не смотрел в мою сторону. Весь ужин — от первого глотка вина до последнего куса десерта — его взгляд был устремлён куда-то в сторону, в окно, в темноту, в себя. Он витал где-то далеко, в своих мыслях, и это отчуждение было таким резким контрастом с его вчерашней... нет, не страстью, а той странной, почти отчаянной близостью, что возникла между нами в гостинной.

Амалия не сводила с него глаз.

Она смотрела на Дамиана влюблёнными глазами — так, как смотрят на героя из романа, на прекрасного принца, на воплощение всех своих девичьих грёз. Меня это одновременно раздражало и смешило. Раздражало, потому что он не заслуживал этого обожания. Смешило, потому что она была такой наивной, такой юной, такой живой.

Я пинала её ногой под столом, когда она, сдерживая смех, изображала руками наш вчерашний поцелуй. Она строила рожицы, закатывала глаза, и мы обе едва сдерживались, чтобы не расхохотаться в голос. Мы вели себя как две маленькие девчонки — и это было так легко, так радостно, так... по-настоящему.

Внезапно Дамиан встал.

Свечи вздрогнули, их пламя заметалось, и тени на стенах затанцевали безумный танец. Все замерли. Слуги застыли с подносами в руках. Амалия перестала жевать, её вилка замерла на полпути ко рту. Я смотрела на Дамиана, и внутри меня всё сжалось от нехорошего предчувствия.

— Благодарю за ужин, — произнёс он, и его голос — низкий, ровный, без единой эмоции — разнёсся под высокими сводами зала. — И за компанию.

Он поклонился — не нам, а пространству, невидимому собеседнику, и вышел. Его шаги — чёткие, размеренные — затихали в коридоре, пока не растворились в тишине.

Амалия выдохнула, будто задерживала дыхание весь ужин.

— Вероника, — её голос был встревоженным, — вы поругались?

— Нет, — я покачала головой, чувствуя, как внутри поднимается раздражение. — Всё нормально.

— Но он такой... холодный, — она понизила голос, оглядываясь на слуг, которые бесшумно собирали посуду. — А вчера... вчера он целовал тебя так, что у меня сердце замерло. А сегодня даже не смотрит в твою сторону. Что случилось?

— Ничего не случилось, Амалия, — я взяла бокал с вином, сделала глоток, чувствуя, как терпкая жидкость обжигает горло. — Муж и жена совсем не обязаны постоянно целоваться и быть вместе. У каждого могут быть свои дела. Свои мысли.

Амалия покачала головой, и в её глазах появилась та самая наивная, трогательная уверенность, которая была у неё всегда.

— Наши родители были не такими. Они всегда были вместе, всегда рядом. Я помню, как отец смотрел на мать — так, будто она была солнцем, вокруг которого вращался весь его мир. И она смотрела на него так же. Они не отпускали друг друга ни на секунду. И были счастливы.

Я вздохнула, чувствуя, как в груди разливается горькая, щемящая тоска. Я вспомнила своих родителей. Из той давно забытой обычной жизни. Я вспомнила их — смутно, обрывками, как картинки из старого, выцветшего альбома. Их руки, сплетённые на столе. Их взгляды,

полные такой любви, что она, казалось, освещала всё вокруг. Они были именно такими — всегда вместе, всегда рядом, всегда влюблённые друг в друга.

— Наши родители — скорее исключение из правил, — сказала я вслух, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Не у всех так бывает.

Я замолчала, глядя в окно на тёмное, бескрайнее море. Внутри стало немного грустно. Той тихой, щемящей грустью, которая не требует слов.

— Давай снова поиграем в карты, — предложила я, стараясь вернуть лёгкость в наш разговор. — И проболтаем до утра.

Амалия отрицательно покачала головой.

— Нет, Вероника. Это уже слишком. Ты не можешь оставлять мужа одного вторую ночь подряд.

— Амалия...

— Нет, — она была непреклонна. — Я понимаю, что вы не обязаны быть вместе каждую минуту. Но он вернулся после долгого отсутствия, он твой муж, и ты должна хотя бы показать, что рада его видеть.

Я хотела спорить, но поняла — это бесполезно. В её словах была своя правда, и, кроме того, спорить с Амалией, когда она входила в этот режим, было всё равно что сражаться с ветряными мельницами.

— Хорошо, — сдалась я. — Что ты предлагаешь?

— Одеться понаряднее, — она взяла меня за руку и потащила в мою комнату. — И зайти к нему. Просто чтобы показать, что ты не забыла о его существовании.

Мы стояли перед открытым шкафом, и Амалия перебирала платья, одно за другим вытаскивая их на свет.

— Это слишком просто, — отбрасывала она одно.

— Это слишком ярко, — откладывала другое.

— А это... — она замерла, держа в руках лавандовое платье. — Это прекрасно.

Я посмотрела на него и почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. То самое платье, которое привлекло моё внимание ещё в первый вечер. Нежно-лавандовое, почти прозрачное в свете свечей, с тонкой серебряной вышивкой по вороту и рукавам. Ткань струилась, как вода, и казалось, что оно было сшито специально для меня.

— Давай, — Амалия протянула мне платье. — Ты его ни разу не носила!

Я надела его, и ткань скользнула по телу, как ласковый ветер. Я подошла к зеркалу. Из отражения на меня смотрела незнакомка — бледная, с русыми волосами, рассыпавшимися по плечам, в этом нежном, почти призрачном платье. Это была я, но в то же время уже не я. Что-то во мне изменилось. Изменилось навсегда. И я знала, что это только начало.

— Ты прекрасна, — прошептала Амалия, вставая за моей спиной. — Иди. Он будет счастлив тебя видеть.

Я кивнула, не оборачиваясь. Амалия поцеловала меня в щёку и вышла, оставив меня одну перед зеркалом.

Я смотрела на своё отражение и думала о том, что сейчас сделаю. Пойду к Дамиану. Стучусь. Скажу что-нибудь — не знаю что. Или просто посмотрю на него. Этого будет достаточно.

Но вместо этого я вышла в коридор и пошла не к его комнате, а принялась блуждать по замку.

Я не хотела. Не сейчас. Не сегодня. Я хотела побыть одна. Хотела побродить по коридорам, полюбоваться на луну в окне, найти библиотеку и зарыться в старые фолианты. Амалия

скоро уснёт, она всегда засыпала быстро после долгих разговоров, и я смогу вернуться в свою комнату, сделать вид, что всё прошло, как она хотела.

Я шла по коридору максимально тихо, стараясь, чтобы шаги тонули в толстом ковре. Платье шелестело, как сухие листья, но этот звук был тихим, почти незаметным.

Я даже не доходила до двери в комнату Дамиана. Она была в конце коридора, и я свернула раньше, туда, где, как мне помнилось, была библиотека. Мне совсем не нужно было, чтобы он меня услышал. Я просто хотела побродить в одиночестве.

И вдруг — его голос.

— Вероника?

Я замерла. Сердце пропустило удар, потом забило где-то в горле.

— Я тебя слышу.

Он говорил тихо, но в этой тишине каждое слово звучало как удар колокола.

Я стояла в коридоре, прижавшись спиной к холодной каменной стене, и чувствовала, как время замедляется, как мир сужается до этого голоса, до этого момента, до этого выбора, который я должна была сделать.

Бежать? Или идти?

Я не знала. Но ноги сами понесли меня вперёд, туда, где в конце коридора горел свет.

Я шла на звук его голоса, как мотылёк летит на пламя. Зная, что это может обжечь. Зная, что это может убить. Но не в силах остановиться.

Арт 4.

Глава 5.

Я сделала несколько шагов по коридору, и каждый из них давался мне с трудом. Ноги не слушались, сердце колотилось где-то в горле, а в голове билась одна-единственная мысль: зачем я иду? Амалия уже наверняка уснула. Я могла бы повернуть обратно, вернуться в свою комнату, лечь в кровать и сделать вид, что ничего не случилось. Но вместо этого я продолжала идти — туда, где в конце коридора горел свет, где ждал он.

Дверь в комнату Дамиана была приоткрыта. Я толкнула её, и она бесшумно отворилась, впуская меня в просторную, залитую мягким светом свечей спальню. Воздух здесь был другим — тяжёлым, наполненным запахом старой бумаги, чернил и чего-то ещё, неуловимого, что принадлежало только ему.

Дамиан сидел за массивным письменным столом спиной ко мне. На нём была простая белая рубашка с расстёгнутым воротом, и я видела, как играют мышцы на его спине при каждом движении. Он что-то писал — быстро, сосредоточенно, не оборачиваясь. Свечи на столе отбрасывали на его фигуру мягкие, золотистые блики, и в этом свете он выглядел почти... уязвимым. Почти интимным.

Я замерла на пороге, не решаясь войти. Это был не тот Дамиан, которого я привыкла видеть — холодный, насмешливый, всегда держащий дистанцию. Это был другой. Домашний. Живой.

— Заходи, — сказал он, не оборачиваясь. — Я чувствую твоё присутствие.

Я сделала шаг вперёд, потом ещё один. Платье тихо шелестело по каменному полу, и этот звук казался мне оглушительным в тишине его комнаты.

— Как тебе замок? — спросил он, продолжая писать. — Как ты провела день?

Голос его был ровным, спокойным, без той привычной насмешливой интонации. Он говорил так, будто мы были старыми знакомыми, которые давно не виделись и теперь просто обмениваются любезностями.

— Мне здесь хорошо, — ответила я, подходя ближе. — Но расслабиться по-настоящему я никогда не смогу. Слишком много... всего было.

Он кивнул, не оборачиваясь.

— Понимаю.

Я смотрела на его спину, на темные волосы, падающие на воротник рубашки, на то, как его пальцы сжимают перо. Он казался таким спокойным, таким невозмутимым, что я почти засомневалась — а тот ли это человек, который вчера целовал меня так, что у меня подкашивались колени?

— Почему ты не спрашиваешь, зачем я гуляю так поздно в твоём крыле замка? — спросила я, нарушая тишину.

Дамиан отложил перо, откинулся на спинку кресла и наконец повернулся в мою сторону. Но он смотрел не на меня — куда-то в сторону, на пламя свечей, на тени, пляшущие по стенам.

— Это наверняка Амалия отправила тебя, — сказал он, и в его голосе прозвучала лёгкая, едва уловимая усмешка. — А ты решила подыграть. Не хочешь её расстраивать.

— Ты не подглядываешь за мной? — спросила я, чувствуя, как внутри поднимается раздражение.

— Сейчас нет такой необходимости, — ответил он спокойно. — Ты не в опасности. А всё остальное — не важно.

Я хотела спросить, что он имеет в виду, но в этот момент он обернулся — резко, быстро, и его взгляд упал на меня. На моё платье.

Всё в нём изменилось.

Его лицо, только что спокойное и почти безмятежное, вдруг напряглось. Глаза сузились, став тёмными, как ночное небо. Плечи окаменели, пальцы вцепились в подлокотники кресла так, что побелели костяшки.

— Где ты взяла это платье? — его голос был низким, почти шёпотом, но в этом шёпоте звучала такая угроза, что у меня перехватило дыхание.

— В шкафу, — ответила я, чувствуя, как внутри закипает испуг. — Оно висело там. В моей комнате.

— Почему ты надела именно это? — он поднялся, и его фигура, только что казавшаяся почти домашней, теперь нависала надо мной, как скала.

— Я... я не знаю, — я сделала шаг назад, но он не двинулся с места. — Оно просто... манило меня. Я сама не понимаю почему. Оно показалось мне знакомым.

Он злился. Я видела это по его глазам, по тому, как вздулась жилка на виске, как тяжело вздымалась его грудь. Но я не понимала — почему? Что такого в этом платье? Обычная ткань, обычная вышивка, обычный цвет. Лавандовый. Нежный. Почти прозрачный.

— Уходи, — его голос был тихим, но в этой тишине он прозвучал как удар грома. — Уходи и выброси это платье. Никогда больше не надевай его. Слышишь? Никогда.

— Не тебе решать, что мне носить, а что нет! — вспыхнула я, чувствуя, как страх сменяется злостью. — Это моё платье. Оно было в моём шкафу. И я буду носить его когда захочу.

Я смотрела на него, и в его глазах — тёмных, глубоких, полных такой боли, которую я не могла понять — вдруг мелькнуло что-то, чего я никогда не видела у Дамиана.

Боль. Настоящая, живая, человеческая боль.

Он медленно опустился в кресло, и его плечи поникли. Вся его угрожающая, хищная энергия куда-то исчезла, оставив только усталость и отчаяние.

— Пожалуйста, — произнёс он, и его голос был тихим, почти умоляющим. — Не надевай его никогда. Прошу тебя.

Я смотрела на него и не верила своим глазам. Дамиан просил? Дамиан умолял? Тот самый Дамиан, который всегда был холоден и непроницаем. Тот самый, кто заточил меня в дерево на сто лет. Тот самый, кто никогда не показывал слабости.

— Хорошо, — сказала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от странного, болезненного сочувствия. — Я не буду его носить.

Он кивнул, не поднимая головы.

Я хотела спросить — почему? Почему это платье так важно? Почему оно вызвало такую реакцию? Но не спросила. Сейчас было не время. Сейчас нужно было уйти, оставить его одного, дать ему время прийти в себя.

— Спокойной ночи, Дамиан, — сказала я, отступая к двери.

— Спокойной ночи, — ответил он, не глядя на меня.

Я вышла в коридор и быстро, почти бегом, направилась к своей комнате. Сердце кололось где-то в горле, руки дрожали, а в голове крутился один и тот же вопрос: что это было? Почему он так отреагировал? Что в этом платье такого особенного?

Я вошла в свою комнату, закрыла дверь на засов и прислонилась к ней спиной, пытаясь отдышаться. Платье всё ещё было на мне — лёгкое, нежное, почти невесомое, но теперь оно казалось мне тяжёлым, как свинец.

Я подошла к зеркалу. Лавандовая ткань струилась в свете свечей, серебряная вышивка мерцала, как звёзды. Платье было красивым. Оно было пугающим. Оно было опасным.

Я сняла его, аккуратно сложила и убрала в самый дальний угол шкафа. Я не выбросила его, как просил Дамиан. Но и надевать больше не буду.

Не сейчас. Не после того, как увидела его глаза.

Я легла в кровать, укрылась одеялом и уставилась в потолок. Свечи догорали, отбрасывая последние, умирающие блики. Где-то за стеной шумело море. Где-то там, в другой комнате, сидел Дамиан, и я чувствовала его присутствие — тяжёлое, давящее, не отпускающее.

Что происходит? Что это за платье? И почему оно манило меня?

Я закрыла глаза, но сон не приходил. Только тишина. Только море. Только его голос, звучащий в ушах: «Пожалуйста... не надевай его никогда».

Что ты скрываешь, Дамиан? И почему я чувствую, что это платье — ключ к чему-то важному?

Арт платье.

Арт 6.

Глава 6.

Я лежала в кровати, глядя в потолок, где плясали последние отблески догорающих свечей. Мысли путались, переплетались с образами прошедшего вечера — лицо Дамиана, его умоляющий голос, его боль, которую он так тщательно скрывал. Платье, спрятанное в глубине шкафа, казалось мне теперь не просто вещью, а живым существом — опасным, манящим, полным тайн.

Я закрыла глаза, и тьма сомкнулась надо мной.

Я стояла посреди огромного зала.

Это был не тот замок, где мы находились сейчас. Этот был другим — величественнее, древнее, с высокими стрельчатыми окнами, сквозь которые лился холодный, серебристый свет. Пол был выложен мраморными плитами, и на них, прямо передо мной, лежала она.

Королева.

Та Вероника из видений. Та, что швыряла короны об стену. Та, что заставляла Дамиана прятать кинжал. Та, что выбрала смерть для Воланда, чтобы сохранить его душу.

На ней было то самое платье. Лавандовое, с серебряной вышивкой, такое же нежное и почти прозрачное, как то, что висело сейчас в моём шкафу. Но сейчас оно было залито кровью. Тёмной, густой, она растекалась по ткани, впитывалась в неё, делая лавандовый цвет грязным, бурым, почти чёрным. Кровь была повсюду — на платье, на мраморном полу, на руках королевы, которые она судорожно прижимала к животу.

Я хотела подойти ближе, но не могла пошевелиться. Я была призраком, наблюдателем, застывшим в нескольких шагах от этой страшной картины.

Королева кричала. Не громко, не истерично — тихо, надрывно, из последних сил. Её голос срывался, превращаясь в хрип, но в этом хрипе было столько боли, столько отчаяния, что у меня перехватило дыхание.

— Дамиан! — кричала она, и её голос разносился под высокими сводами зала, отражаясь от стен, от колонн, от холодного мрамора. — Дамиан!

Из-за колонны выбежала служанка — молодая, испуганная, с круглыми от ужаса глазами. Она опустилась на колени рядом с королевой, протянула руки, пытаясь помочь, поддержать, остановить кровь.

— Ваше Величество, — залепетала она, и её голос дрожал, — я сейчас позову лекаря, я...

— Не трогай меня! — королева оттолкнула её с такой силой, что служанка отлетела к стене и замерла, прижавшись к холодному камню. — Никому не подходить ко мне! Слышишь? Никому!

Служанка замерла, не смея пошевелиться. Её глаза были полны слёз, но она не плакала — только смотрела на королеву, на её окровавленное платье, на её руки, сжимающие живот, и молчала.

А потом я увидела её.

Маленькая девочка, лет трёх, с длинными светлыми волосами, заплетёнными в две тонкие косички. Она стояла в дверях, прижавшись к косяку, и смотрела на королеву огромными, испуганными глазами. Её платье было белым, с кружевами, и она казалась ангелом, случайно попавшим в этот ад.

— Анна! — королева повернула голову к девочке, и её голос, только что полный боли, вдруг стал мягче, нежнее, почти спокойным. — Анна, моя девочка...

Девочка вышла из своего укрытия. Её ножки дрожали, по щекам текли слёзы, но она шла — маленькая, хрупкая, но такая смелая.

— Да, мамочка, — прошептала она, и её голос звенел, как тонкая струна.

— Всё хорошо, моя девочка, — королева попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой, искажённой болью. — Иди в свою комнату. Иди, Анна. Пожалуйста.

— Мамочка, мне страшно, — девочка подбежала к королеве и схватила её за руку — ту самую, что была залита кровью. Её маленькие пальчики сжались на запястье матери, и я видела, как кровь оставляет на них тёмные, жуткие следы.

— Всё будет хорошо, — прошептала королева, и в её голосе было столько любви, столько отчаяния, столько боли, что у меня сжалось сердце. — Иди, Анна. Я скоро приду к тебе. Обещаю.

В этот момент в зал ворвался Дамиан.

Он бежал — я никогда не видела Дамиана бегущим. Он всегда был спокойным, неторопливым, словно время подчинялось ему. Но сейчас он мчался, не разбирая дороги, его рубашка была расстёгнута, волосы растрёпаны, а в глазах горел такой ужас, что я невольно отшатнулась.

— Забери Анну! — закричал он служанке, ещё на бегу. — Быстро! Уведи её отсюда!

Служанка сорвалась с места, подхватила девочку на руки и понеслась к выходу. Анна плакала, тянула ручки к матери, кричала «мамочка, мамочка!», но служанка не останавливалась. Дверь за ними закрылась, и их крики затихли, растворились в глубине коридоров.

Дамиан упал на колени рядом с королевой. Его руки — такие сильные, такие уверенные — дрожали, когда он касался её лица, её волос, её плеч.

— Дамиан, — прошептала королева, и её глаза — мои глаза — смотрели на него с такой надеждой, с такой болью, что я едва сдерживала слёзы. — Это снова произошло. Снова.

— Всё хорошо, любовь моя, — его голос дрожал, но он старался говорить спокойно, уверенно, как будто мог убедить её, убедить себя, что всё наладится. — Я рядом. Я здесь. Я не уйду.

— Я не могу больше, Дамиан, — она схватила его за руку, прижала к своей груди, к сердцу. — Я не могу. Это каждый раз... каждый раз одно и то же. Я боюсь, что в следующий раз...

— Не будет следующего раза, — он обнял её, прижимая к себе, и я видела, как его плечи вздрагивают.

Королева заплакала. Не тихо, не сдержанно — она рыдала, уткнувшись ему в грудь, и её слёзы смешивались с кровью, оставляя на его белой рубашке мокрые, розоватые пятна.

— Поплачь, любимая, — прошептал Дамиан, и его голос был таким нежным, таким родным, что я не узнавала его. — Тебе надо поплакать. Ты не можешь всегда быть сильной.

Он прижимал её к себе, и его руки гладили её по спине, по волосам, по плечам. Он не пытался остановить кровь, не звал лекаря, не делал ничего — только держал её, баюкал, как ребёнка, и шептал какие-то тихие, успокаивающие слова.

А она плакала. И её слёзы падали на мраморный пол, смешиваясь с кровью, растекаясь в тёмные, зловещие лужи.

Видение начало расплываться, терять чёткость. Стены зала поплыли, свечи погасли, и тьма сомкнулась над ними — над королевой в окровавленном платье, над Дамианом, который держал её так, будто она была всем его миром.

Я очнулась в поту.

Вскочила на кровати, хватая ртом воздух, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Рубашка промокла насквозь, волосы прилипли к лицу, и я дрожала — крупно, неудержимо, как в лихорадке.

В комнате было темно. Свечи догорели, и только лунный свет, пробивающийся сквозь окно, серебрил пол и стены.

Я обхватила колени руками, прижалась лбом к холодной ткани одеяла и попыталась унять дрожь. Перед глазами всё ещё стояла та картина — лавандовое платье, залитое кровью, малень-

кая светловолосая девочка, которая плакала и звала маму, и Дамиан, который держал королеву так, будто она была его жизнью.

Анна. Её звали Анна. Её дочь.

Я вспомнила его голос — такой нежный, такой родной, когда он называл её «любовь моя». Я никогда не слышала от Дамиана таких слов. Никогда не видела его таким — испуганным, любящим, отчаянным.

Что это было? Воспоминание? Предупреждение? Или просто сон, порождённый усталостью и странной атмосферой этого недостроенного мира?

Я не знала. Но я знала одно — это платье, которое так манило меня, было не просто одеждой. Оно было связано с чем-то страшным. С чем-то, что Дамиан пытался забыть.

Я встала, подошла к шкафу, открыла дверцу. Лавандовое платье висело там, в самом дальнем углу, и в лунном свете его серебряная вышивка мерцала, как призрачные звёзды.

Я протянула руку, чтобы коснуться его, но в последний момент отёрнула пальцы. Нет. Не сейчас. Я не готова.

Я закрыла шкаф, вернулась в кровать и уставилась в потолок.

Что ты скрываешь, Дамиан? И почему я чувствую, что эта тайна — ключ ко всему?

Глава 7. Дамиан.

Я сидел за столом в своей комнате, погружённый в рукописи и чертежи.

Свечи догорали, их пламя трепетало, отбрасывая на стены длинные, дрожащие тени. За окном шумело море — ровно, убаюкивающе, и этот звук был единственным, что нарушало тишину. Передо мной лежали старые свитки, испещрённые схемами миров, которые я создавал и разрушал. Я водил пером по бумаге, выводил какие-то формулы, но мысли были далеко.

Мне казалось, что надо вернуться в прошлое.

В те времена, когда мы только познакомились с Вероникой. Когда она была ещё наивной девчонкой с горящими глазами, а я — тем, кто открыл ей дверь в мир магии. Там, в тех забытых эпохах, можно было найти ответы. Ключи к тайнам, которые мучили нас сейчас.

Я перебирал воспоминания, как чётки, листая страницы старой жизни. Наша первая встреча. Её удивлённые глаза. Мой голос, который сказал: «Ты особенная, Вероника. Ты даже не представляешь, насколько».

А потом я ощутил её присутствие.

Она была в коридоре. Я не видел её, но чувствовал — всем телом, каждой клеткой, каждой частицей своей измученной души. Она ходила по коридорам словно призрак — тихо, почти беззвучно, но для меня каждый её шаг был как удар сердца. Её дыхание, её тепло, её страх — всё это было здесь, в нескольких стенах от меня.

Я отложил перо и позвал её.

— Заходи, я чувствую твое присутствие!

Дверь открылась. Она вошла, и комната наполнилась её близостью — тем странным, необъяснимым светом, который всегда сопровождал её появление.

Мы говорили. Обычный разговор — о замке, о дне, о том, как она провела время. Её голос был тихим, спокойным, и в нём не было той ненависти, что звучала раньше. Она говорила со мной, как со старым знакомым, как с тем, кому можно доверять.

Это было так непривычно.

Мы всегда были врагами. Всегда на расстоянии. Всегда с оружием в руках — словами, взглядами, молчанием. А теперь... теперь между нами как будто образовалась какая-то связь. Хрупкая, почти невесомая, но она была.

Я слушал её и думал о том, как странно переплетаются наши души. Ещё недавно она кричала, что ненавидит меня. Ещё недавно я переполненный злости заточил её в дереве на сто лет. А теперь она стояла в моей комнате, и между нами не было войны.

Потом я обернулся.

Сначала я увидел её лицо — бледное, с лёгким румянцем на щеках, с глазами, в которых плескалась та самая загадка, что так притягивала меня. А потом я опустил взгляд и увидел платье.

Моё сердце дрогнуло.

Оно было на ней. Ткань струилась, как вода, и в свете свечей она казалась живой, дышащей, пульсирующей в такт её сердцу.

Я узнал его.

Я узнал бы его из тысячи. Из миллиона. Потому что этот цвет, эта ткань, эта вышивка — всё это врезалось в мою память подобно кинжалу. Я помнил тот день сквозь тысячелетия. Сквозь все миры, все жизни, все реальности.

Она была в нём. В этом самом платье. В том самом зале. На том самом холодном мраморном полу, в луже крови, которая растекалась вокруг неё, как тёмный, зловещий ореол.

Я пытался стереть этот день из своей памяти.

Я сжигал рукописи, уничтожал артефакты, вычеркивал страницы из книг бытия. Я хотел забыть. Я хотел, чтобы этот день никогда не существовал. Но забыть такое оказалось невозможно.

В тот день всё начало рушиться.

Наша любовь. Наш мир. Всё, что мы строили так мучительно долго рассыпалось в прах за одно мгновение. Я не смог спасти Веронику. Я не смог спасти Анну.

Откуда здесь это платье?

Вопрос ударил в голову, как раскалённый гвоздь. Я уничтожил его. Я своими руками бросил его в огонь и смотрел, как ткань корчится, чернеет, рассыпается в пепел. Его не могло быть здесь.

Моё воображение сыграло злую шутку? Или это напоминание о неизбежности финала? Знак того, что всё повторяется? Что я снова не смогу её спасти?

Смогу ли я на этот раз?

Я не знал. Но страх уже поселился в моей груди, сжимая её ледяными пальцами.

Я вспыхнул.

— Где ты взяла это платье? — спросил я, и мой голос был чужим, низким, почти незнакомым.

— В шкафу, — ответила она. — Оно висело там. В моей комнате.

— Почему ты надела именно это?

— Я не знаю. Оно просто... манило меня. Я сама не понимаю почему. Оно показалось мне знакомым.

Я встал. Мои руки дрожали, но я старался держать себя в руках. Я не хотел пугать её. Я не хотел, чтобы она видела меня таким — испуганным, потерянным, сломленным.

— Уходи, — сказал я. — Уходи и выброси это платье. Никогда больше не надевай его. Слышишь? Никогда.

Она вспыхнула. Я ожидал этого. Она всегда была гордой, всегда шла наперекор, всегда делала то, что считала нужным.

Я оголил свои чувства.

Я не должен был. Я должен был промолчать, сдержаться, сохранить маску холодного безразличия. Но я не смог. Слишком много боли накопилось внутри. Слишком много лет я носил её в себе, не выплёскивая наружу.

А она разозлилась. И это было понятно. Она не знала. Она не могла знать, что это платье — символ всего, что я потерял. Символ всего, что никогда не вернуть.

Она всё больше походила на мою королеву.

Та же гордость. Тот же огонь в глазах. Та же готовность стоять на своём, даже если весь мир против неё. Это радовало меня. И пугало одновременно.

Потому что моя королева погибла. А эта Вероника — она была другой. Она могла выжить. Если я не сделаю ошибок. Если я смогу её спасти.

Я смягчился.

— Пожалуйста, — я произнёс это слово, и оно обожгло мне губы. Я никогда не просил. Никогда. Но сейчас я просил. — Не надевай его никогда. Прошу тебя.

Она смотрела на меня, и в её глазах я видел удивление, страх, непонимание. Она не знала. Она не могла знать. Но она согласилась.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Я не буду его носить.

Она пожелала мне спокойной ночи и ушла. Быстро, почти бегом. Я слышал, как её шаги удаляются по коридору, как затихает шелест платья, как закрывается дверь в её комнату.

Я остался один.

Внутри меня снова бушевало пламя.

Не то, что согревает. То, что сжигает. Ярость на себя за то, что не смог сдержаться. Страх за неё. Боль от воспоминаний, которые вырвались на свободу.

Я подошёл к окну. Луна висела низко, огромная, холодная. Её свет серебрил стены, пол, потолок, делая всё вокруг призрачным, нереальным.

Что это было? — спросил я себя. — Предупреждение? Напоминание? Или знак того, что история повторяется?

Я не знал. Но я знал одно — я не допущу, чтобы это повторилось. Я не позволю ей умереть снова. Даже если мне придётся сжечь все миры, все вселенные, все реальности. Даже если мне придётся заплатить собственной жизнью.

Той ночью я не спал.

Я сидел и смотрел на луну, и думал о ней. О той, которую потерял. О той, которая вернулась. О той, которую, возможно, потеряю снова.

Я не мог этого допустить. Но не знал, как помешать.

А за окном всё так же шумело море. Бескрайнее, холодное, равнодушное.

И где-то там, в темноте, ждал враг.

А я сидел и чувствовал, как пепел сгоревших миров оседает на моих плечах.

Война только начиналась.

Глава 8.

Под утро я провалилась в тяжёлый, липкий сон без сновидений, а проснулась оттого, что солнце било прямо в глаза. За окном уже вовсю кипела жизнь — кричали чайки, слуги перекликались в саду, где-то внизу звякала посуда.

Я встала, умылась холодной водой из кувшина, надела простое светлое платье и вышла в коридор.

Первым делом я направилась к комнате Амалии.

Дверь была закрыта. Я постучала — тихо, потом громче. Никакого ответа.

— Амалия? — позвала я, прижимаясь ухом к холодному дереву. — Ты там?

Тишина. Только где-то далеко шумело море.

— Амалия, открой, — я дёрнула ручку — заперто. — Что случилось?

Из-за двери донёсся приглушённый, сдавленный голос:

— Всё хорошо, Вероника. Просто... я неважно себя чувствую. Оставь меня сегодня, пожалуйста.

— Что значит «неважно»? — я нахмурилась, чувствуя, как внутри поднимается тревога. — Ты заболела? Позвать врача?

— Нет, не надо, — её голос звучал странно — устало, отстранённо, будто она была где-то далеко. — Мне просто нужно побыть одной. Хорошо?

Я хотела спросить ещё, возразить, потребовать, чтобы она открыла дверь, но что-то остановило меня. Какая-то странная, липкая уверенность, что это бесполезно. Что Амалия не откроет. Что я не смогу ей помочь.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Но если тебе станет хуже, ты позовёшь меня?

— Обязательно.

Я постояла ещё немного, прислушиваясь к тишине за дверью, а потом пошла прочь.

Замок встретил меня пустотой.

Дамиана не было. Я чувствовала это всем телом — его присутствие, которое всегда давило на меня, даже когда он находился в другом конце замка, исчезло. Его комната была пуста, дверь приоткрыта, и я заглянула внутрь — никого. Стол завален бумагами, чернильница открыта, перо лежит на полу, будто он бросил его в спешке.

Куда он ушёл? Зачем? И почему не предупредил?

Вопросы остались без ответов.

Я вышла во внутренний двор. Солнце стояло высоко, заливая камни золотистым светом, но мне было холодно. Странно — лето, тёплый ветер с моря, а внутри зябко, будто осень.

Слуги сновали по своим делам, не обращая на меня внимания.

В саду двое мужчин подрезали кусты роз — огромных, алых, с тяжёлыми бутонами, которые клонились к земле под собственной тяжестью. Они работали молча, сосредоточенно, и их движения были отточены до автоматизма. Я смотрела, как лепестки падают на землю, как ветер подхватывает их и кружит в воздухе, и думала о том, что эти розы, наверное, помнят что-то, чего не помню я.

На кухне, куда я заглянула через открытое окно, кипела жизнь. Повара в белых колпаках месили тесто, резали овощи, помещивали что-то в огромных котлах. Пар поднимался к потолку, запах свежего хлеба и пряных трав щекотал ноздри. Молодая девушка в переднике протирала посуду, и её щёки покраснели от усердия. Она подняла глаза, увидела меня, улыбнулась — и тут же отвела взгляд, будто испугавшись.

Никто не заговаривал со мной. Никто не смотрел в глаза. Я шла по замку, и люди расступались передо мной, как вода перед камнем. Они кланялись, здоровались, но в их взглядах не было тепла. Только уважение. И страх.

Я словно призрак.

Ненужный, невидимый, парящий над этой жизнью, которая текла мимо.

Нравится ли мне это? Пожалуй, да. После всего, что я пережила эта тишина и одиночество казались мне почти благословением. Никто ничего не требовал от меня. Никто не ждал подвигов. Я могла просто дышать.

Но именно это и пугало меня.

Это больше напоминало затишье перед бурей. То странное, звенящее спокойствие, которое всегда предшествует катастрофе. Я чувствовала это каждой клеточкой — что-то надвигалось. Что-то большое, страшное, неотвратимое.

Готова ли я к новой буре?

Я не знала. Но выбора у меня не было.

Вечером Амалия снова отказалась выходить.

Я стояла под её дверью, прижимая к груди поднос с едой, который взяла на кухне.

— Амалия, открой. Я принесла тебе ужин.

— Не хочу, — ответил её голос — глухой, безжизненный.

— Тебе нужно поесть. Ты же не ела весь день.

— Вероника, пожалуйста, — она вздохнула, и в этом вздохе было столько усталости, что у меня сжалось сердце. — Ты же знаешь, как иногда бывает. Мне просто надо немного побыть одной. Я скоро приду в норму. Обещаю.

Я хотела спорить, требовать, чтобы она открыла дверь, но что-то снова остановило меня. Её голос звучал странно — не больно, не испуганно, а... отстранённо. Будто она была где-то далеко. Будто говорила не со мной, а с кем-то внутри себя.

— Хорошо, — сказала я, оставляя поднос на полу. — Но если ты не выйдешь завтра, я выломаю дверь. Слышишь?

Тишина.

— Слышишь, Амалия?

— Слышу, — ответила она едва слышно. — И ни капельки не сомневаюсь. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я отошла от двери и прислонилась спиной к холодной стене. Внутри всё кипело от тревоги и подозрений.

Это всё проделки Дамиана.

Я не знала, почему я была в этом так уверена, но чувствовала — он замешан. Он изолировал меня от Амалии. Для чего? Чтобы я осталась одна? Чтобы подумала о чём-то? Чтобы осознала что-то важное?

Или он хотел наказать меня? За вчерашнее? За то, что я надела это платье? За то, что увидела его слабость?

Я не знала. Но внутри закипала злость. Холодная, глухая, беспомощная.

Ужин накрыли в большом зале. Это выглядело странно, ведь за огромным столом я сидела совсем одна.

Кусок не лез в горло. Я ковыряла вилкой мясо, подносила ко рту кусочек хлеба, но вкуса не чувствовала. Мысли были заняты Амалией — её странным голосом, её отстранённостью, её словами «ты же знаешь, как иногда бывает».

Что это значит? Что с ней происходит?

А потом я услышала шаги.

Дамиан вошёл в зал бесшумно, как тень, и я заметила его только тогда, когда он сел на своё обычное место — на другом конце стола. Так далеко, что я едва различала выражение его лица.

Он был здесь. Он вернулся. Но почему-то это не принесло мне облегчения.

— Как прошёл твой день? — спросила я.

Странный вопрос. Мы никогда не спрашивали друг друга о таких вещах. Но мне нужно было что-то сказать, чтобы разорвать эту тяжёлую, давящую тишину.

Он не ответил. Я не расслышала — расстояние было слишком большим.

— Я спрашиваю, как прошёл твой день? — повторила я, повысив голос.

— Неплохо, — донёсся до меня его голос — глухой, приглушённый расстоянием. — А твой?

— Тоже неплохо, — крикнула я, чувствуя, как глупо это звучит.

Мы сидели на разных концах огромного стола и перекрикивались, как глухие старики. Я напрягала слух, чтобы услышать его, и кричала в ответ, и каждый мой крик отдавался эхом под высокими сводами зала.

Мне надоела эта игра.

Я встала, схватила свою тарелку, бокал с вином, приборы и пошла к нему. Пошла через весь зал, чувствуя на себе взгляды слуг, которые замерли у стен, наблюдая за этой сценой.

Дамиан смотрел на меня с удивлением. Его брови приподнялись, когда я поставила свою тарелку рядом с его, села на стул — так близко, что могла разглядеть каждую морщинку у его глаз — и сказала:

— Вы все свободны.

Слуги замерли. Переглянулись.

— Я сказала, все свободны на сегодня, — повторила я, и мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидала. — Я хочу побыть с мужем.

Они не заставили себя упрашивать. Бесшумно, как тени, слуги растворились в дверях, и мы остались одни.

Мне показалось, что на лице Дамиана мелькнула улыбка. Всего на долю секунды — уголки губ дрогнули, глаза чуть прищурились, и он снова стал прежним — спокойным, невозмутимым, загадочным. Но я видела. Я запомнила.

— Вот теперь поговорим, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Что происходит с Амалией? Что ты сделал?

— Я ничего не делал, — ответил он, и его голос был спокойным, ровным. — Она просто... отдыхает.

— Отдыхает? — я усмехнулась, чувствуя, как внутри закипает злость. — Она заперлась в комнате, не ест, не пьёт и говорит странные вещи. Это не отдых, Дамиан. Это что-то другое.

— Вероника, — он вздохнул, и в этом вздохе было столько усталости, что у меня сжалось сердце. — Не всё в этом мире зависит от меня. Иногда люди просто... нуждаются в одиночестве.

— Она никогда не нуждалась в одиночестве, — возразила я. — Она всегда была рядом. Всегда. А теперь...

— А теперь ты боишься, — закончил он за меня. — Боишься, что она исчезнет. Боишься, что ты останешься одна. Боишься, что я снова отниму у тебя кого-то, кого ты любишь.

Я промолчала. Потому что он был прав.

— Я не причиню ей вреда, — сказал он тихо. — Клянусь.

Я смотрела на него, в его глаза — тёмные, глубокие, полные той боли, которую он так долго скрывал, — и пыталась понять, верит ли он сам в то, что говорит.

— Ладно, — сказала я наконец. — Я поверю тебе. Но только пока. Если с ней что-то случится...

— Ты убьёшь меня, — он усмехнулся. — Я знаю.

Я взяла бокал с вином, сделала глоток, чувствуя, как терпкая жидкость обжигает горло.

— А теперь расскажи мне, где ты был весь день.

— Думал, — ответил он просто. — О прошлом. О будущем. О том, как нам выбраться отсюда.

— Выбраться? — я нахмурилась. — Разве мы не в безопасности?

— Никто и нигде не в безопасности, Вероника, — он посмотрел на меня, и в его глазах зажёгся тот самый холодный, опасный огонь. — Особенно мы.

Я замолчала. Вино было горьким, ужин — невкусным, а тишина — тяжёлой, как свинец.

Но мы сидели рядом. И этого было достаточно.

Хотя бы на один вечер.

Глава 9.

Ночь опустилась на замок тяжёлым, бархатным покрывалом. Свечи в моей комнате догорели, и только луна, холодная и равнодушная, заглядывала в окно, серебря пол и стены. Я лежала в кровати, уставившись в потолок, и думала об Амалии. О её странном голосе, о том, как она заперлась в своей комнате, о её словах: «Ты же знаешь, как иногда бывает».

Я не знала. Но что-то внутри меня подсказывало — это важно. Это ключ к чему-то, что я должна знать.

Веки тяжелели. Я проваливалась в сон — медленно, нехотя, как в тёплую, вязкую воду. И видение пришло.

Я стояла в саду.

Это был не тот сад, что возле замка, где мы гуляли с Амалией вчера. Этот был другим — старше, уютнее, с яблонями, склонявшими ветви к земле под тяжестью плодов, и с клумбами, где цвели такие яркие, такие живые цветы, что у меня перехватывало дыхание. Солнце светило ласково, золотило траву, и в воздухе пахло мёдом и чем-то ещё — детством, беззаботностью, счастьем.

Я была маленькой. Лет десяти или одиннадцати. Мои руки и колени были в зелёной траве, платье — в пятнах от ягод, а волосы растрепались, выбившись из косы. Рядом со мной, запыхавшись от смеха, бегала Амалия. Ей было лет восемь или девять — младше меня, с бледным, но счастливым лицом, с темными косичками, которые смешно подпрыгивали при каждом её шаге.

— Догони меня! — кричала она, и её голос звенел, как колокольчик.

— Догоню! — смеялась я, бросаясь за ней.

Мы носились по саду, как две белки, перепрыгивали через кусты, прятались за яблонями, падали в траву и снова вставали, чтобы бежать дальше. Наши мать и отец сидели на веранде — отец читал, а мать пила чай — и иногда они поднимали глаза, смотрели на нас и улыбались.

Я видела их впервые. Отца — высокого, статного, с сединой на висках и добрыми, усталыми глазами. Мать — хрупкую, светловолосую, с тонкими пальцами и той самой улыбкой, которую я так часто замечала у Амалии. В моей памяти они всегда были размытыми тенями, почти призраками. Но здесь, в этом видении, они были живыми.

Вдруг Амалия остановилась.

— Вероника, — позвала она, и её голос был странным — не весёлым, а каким-то... испуганным.

Я подбежала к ней. Её лицо побелело, губы посинели, а глаза закатились. Она пошатнулась и упала прямо в траву.

— Амалия! — закричала я, бросаясь к ней, пытаюсь поднять, удержать. — Амалия, что с тобой?

Она не отвечала. Её тело было вялым, тяжёлым, и я чувствовала, как внутри меня всё сжимается от ужаса.

— Мама! Папа! — закричала я, оглядываясь на веранду. — Амалии плохо!

Родители бежали к нам. Наверное, я никогда прежде не видела их такими — испуганными, растерянными, с лицами, на которых не было ни капли обычного спокойствия. Отец подхватил Амалию на руки, мать взяла меня за плечи и отстранила.

— Всё хорошо, Вероника, — сказала она, и её голос дрожал. — Всё будет хорошо.

— Что с ней? — я пыталась вырваться, хотела быть рядом с сестрой, но мать держала крепко. — Мама, что случилось?

— Иди в свою комнату, — сказал отец, и его голос был твёрдым, не терпящим возражений. — Мы позаботимся о ней.

— Но я...

— Вероника, — мать посмотрела мне в глаза, и в её взгляде было столько боли, столько мольбы, что я замолчала. — Пожалуйста. Иди.

Я пошла. Медленно, нехотя, оглядываясь на каждый шаг. Отец нёс Амалию в дом, мать бежала рядом, и они скрылись за дверью, оставив меня одну в саду, среди цветов и солнечного света, который вдруг показался мне холодным и чужим.

Я не могла долго сидеть в неведении.

Моя комната была на втором этаже, окна выходили в сад, и я видела, как слуги снуют туда-сюда, как лекарь в чёрном плаще поднимается по лестнице, как мать плачет в коридоре, прижимая платок к лицу.

Я ждала час, потом другой. Мне сказали сидеть, но я не привыкла слушаться. Я выскользнула из комнаты, когда стемнело, и на цыпочках прокралась к комнате Амалии.

Дверь была приоткрыта. Я замерла за косяком, прислушиваясь.

— Боюсь, что это серьёзно, — говорил лекарь. Его голос был низким, глухим, и каждое слово падало в тишину, как камень в воду. — Болезнь прогрессирует. Мы можем только облегчать симптомы, но вылечить... вылечить её нельзя.

— Сколько? — спросил отец, и его голос дрожал.

— Никто не знает. Может быть, год. Может быть, десять лет. Это зависит от многих факторов. От её организма. От её желания бороться.

— Но ведь есть какие-то способы? — мать говорила сквозь слёзы. — Какие-то лекарства? Ритуалы? Что угодно?

— Я делаю всё, что в моих силах, — ответил лекарь. — Но есть вещи, которые даже магия не может исправить.

Я отпрянула от двери, прижимая руку ко рту, чтобы не закричать. Внутри меня всё обвалилось. Амалия была больна. Смертельно больна. И никто не знал, сколько ей осталось.

Я бежала по коридору, не разбирая дороги, влетела в свою комнату, захлопнула дверь и упала на кровать. Слёзы душили меня, рвались наружу, но я не могла позволить себе плакать — услышат, придут, начнут утешать, а я не хотела утешений. Я хотела, чтобы Амалия была здорова.

Я зарылась лицом в подушку и закричала — беззвучно, отчаянно, выплёскивая всю боль, весь ужас, всю беспомощность, что накопились внутри. Я била кулаками в стену — раз, другой, третий, пока костяшки не рассеклись и на стене не выступили кровавые пятна.

Я не чувствовала боли. Только ярость. Только страх. Только бессилие.

Ночью, когда все уснули, я прокралась в комнату Амалии.

Она лежала в кровати, бледная, как полотно, с синими кругами под глазами. Её дыхание было слабым, поверхностным, и я испугалась, что она умрёт прямо сейчас, в эту минуту, пока я смотрю.

— Амалия, — прошептала я, садясь на край кровати. — Ты слышишь меня?

Она открыла глаза — усталые, но живые, и в них ещё теплилась та самая искра, которая делала её Амалией.

— Вероника, — прошептала она, и её губы дрогнули в слабой улыбке. — Ты здесь.

— Как давно ты знаешь? — спросила я, и мой голос был твёрдым, почти стальным, хотя внутри всё дрожало. — О болезни?

Амалия отвела взгляд.

— Несколько месяцев назад был первый приступ. Но потом мне долго было хорошо. Я думала... я надеялась, что это прошло.

— И ты не сказала мне? — я сжала её руку, чувствуя, как тонкие пальцы лежат в моей ладони, как пух, как перо. — Ты ничего мне не сказала?

— Не хотела тебя пугать, — прошептала она. — Ты и так всегда за меня переживаешь. А тут...

— А тут ты умираешь, — закончила я, и слёзы потекли по щекам, но я не вытирала их. — Ты умираешь, Амалия, а я ничего не могу сделать.

— Всё будет хорошо, — прошептала она, и в её голосе было столько надежды, столько веры, что у меня разрывалось сердце.

— Нет, — я покачала головой, чувствуя, как внутри закипает та самая холодная, стальная решимость, которая помогала мне выживать в самые тёмные времена. — Я не отпущу тебя. Ты слышишь? Я не дам тебе умереть. Никогда. Я найду способ. Я переверну все миры, все вселенные, все реальности, но я спасу тебя. Клянусь.

Амалия смотрела на меня, и её глаза наполнились слезами. Она подняла руку — медленно, с трудом — и провела ладонью по моей щеке, вытирая слёзы, которые я даже не заметила.

— Я никогда тебя не брошу, Вероника, — прошептала она, и её голос был твёрдым, как камень. — Клянусь. Я всегда буду рядом. Что бы ни случилось. Где бы я ни была. Я всегда буду с тобой.

Я прижала её ладонь к своей щеке, закрыла глаза и почувствовала, как время останавливается. И мир замирает. И ничего больше не имеет значения. Только она. Только мы. Только эта минута, которая никогда не повторится.

Я проснулась в поту. Сердце колотилось где-то в горле, простыни промокли насквозь, и по щекам текли слёзы — горячие, солёные, неудержимые. Я сидела в кровати, обхватив колени руками, и смотрела в темноту, пытаясь отдышаться.

Видение было таким реальным. Слишком реальным. Я чувствовала запах яблок из сада, ощущала тяжесть Амалии на руках, слышала голос лекаря, который говорил, что её нельзя вылечить.

Моя сестра. Моя Амалия.

И я поклялась, что не дам ей умереть.

Никогда.

Арт Амалия.

Глава 10.

Я не помнила, как встала с кровати, как вышла в коридор, как оказалась перед дверью Дамиана. Ноги несли меня сами, словно знали дорогу лучше, чем моя голова. Слезы высохли, оставив на щеках солёные дорожки, а внутри всё горело — не ровным, алым пламенем, а холодным, белым огнём, который не греет, а сжигает дотла.

Я не стала стучать. Я толкнула дверь, и она распахнулась, ударившись о стену с глухим, тяжёлым звуком.

Дамиан сидел за столом, заваленным бумагами, чертежами, свитками. Свечи догорали, оплывая воском, и их пламя отбрасывало на его лицо глубокие, зловещие тени. Он не спал — я знала, что он не спит, я чувствовала это, когда шла по коридору. Он всегда не спал, когда я была рядом.

Он поднял голову, и в его глазах — тёмных, усталых, с красными прожилками — мелькнуло что-то, похожее на удивление. Но только на миг.

— Вероника? Что случилось?

— Ты знаешь что, — мой голос был чужим — низким, хриплым, почти незнакомым. — Амалия. Расскажи мне. Всё.

Он отложил перо, откинулся на спинку кресла. Его лицо оставалось спокойным, невозмутимым, но я видела, как напряглись его плечи, как побелели пальцы, сжимающие подлокотники.

— Что ты хочешь знать?

— Всё, — я шагнула к нему, чувствуя, как пол под ногами холодит босые ступни. — Я видела видение. Мы были детьми. Она упала в саду. Потом лекарь сказал, что она умирает. А потом... потом она умерла? Да?

Дамиан молчал. Смотрел на меня, и в его взгляде было что-то, чего я не могла понять. Жалость? Понимание? Боль?

— Да, — сказал он наконец. — Она умерла. Когда ей было шестнадцать.

Я замерла. Слова упали в тишину, как камни в ледяную воду, и пошли круги — болезненные, неумолимые. Шестнадцать. Всего шестнадцать.

— А я? — спросила я, чувствуя, как голос дрожит. — Что было со мной?

— Ты не смогла смириться с этой потерей, — он говорил тихо, ровно, но каждое его слово было как удар хлыста. — Ты стала жёстче. Злее. Ты не хотела больше никого пускать в своё сердце. Ты ненавидела себя за то, что не смогла её спасти. За то, что не нашла лекарство. За то, что она умерла, а ты осталась жить.

Я стояла, не двигаясь, и чувствовала, как внутри меня всё рушится. Стены, которые я строила веками. Броня, которую я носила, как вторую кожу. Всё это было ложью. Я не была сильной. Я просто боялась. Боялась потерять кого-то снова.

— И что сейчас? — мой голос сорвался, превратился в шёпот, полный боли и ярости. — В этом замке? Мне снова нужно пережить смерть сестры? Это твоя новая изощрённая пытка, Дамиан?

Я смотрела на него, и в моих глазах, наверное, горел тот самый холодный, белый огонь. Я ждала ответа. Ждала удара.

Он опустил голову. Его плечи поникли, и он вдруг показался мне таким усталым, таким старым, таким сломленным, что у меня на миг перехватило дыхание.

— Нет, Вероника, — сказал он, и его голос был глухим, почти безжизненным. — Это не пытка. Я хотел, чтобы ты была с Амалией. Хотя бы ненадолго.

Он поднял глаза, и в них была такая боль, такая тоска, что я невольно сделала шаг назад.

— Я знал, как сильно ты по ней скучаешь. Как сильно ты её любишь. Я думал... я надеялся, что эта встреча принесёт тебе радость. Утешение. Что ты сможешь побыть с ней, поговорить, обнять её... — он замолчал, провёл рукой по лицу, стирая невидимую усталость. — Но есть вещи, которые я не в силах изменить в своих мирах. Она больна. Она страдает иногда. Но через пару дней ей становится лучше. Она не умрёт в этой реальности. Тебе нет смысла волноваться.

— Нет смысла волноваться?

Я взорвалась. Слова вырвались из меня, как лава из жерла вулкана — горячие, неудержимые, обжигающие.

— Да что ты знаешь о волнении? Что ты знаешь о боли? О страхе? Ты, который путешествует по мирам, как по собственному саду? Ты, который создаёт и уничтожает реальности, как игрушки?

Я подошла к нему, встала так близко, что могла разглядеть каждую морщинку у его глаз, каждую капельку пота на висках.

— Я потеряла свою жизнь, Дамиан. Свою настоящую жизнь. Я путешествую по мирам, как призрак. Я постоянно подвергаюсь испытаниям, пыткам, лишениям. Я видела смерть тех, кого любила. Я тонула в амулете. Я сходила с ума в дереве. И всему этому виной — ты!

Я кричала, и мой голос срывался, превращаясь в хрип. Слёзы снова потекли по щекам, но я не вытирала их. Пусть видит. Пусть знает, какую боль он мне причинил.

— А теперь ты предлагаешь мне не волноваться? Не переживать? Спокойно смотреть, как моя сестра — единственная, кто у меня осталась, — страдает? Ты хоть понимаешь, каково это? Понимаешь?

Он смотрел на меня, и в его глазах не было ни гнева, ни раздражения. Только боль. Такая же, как у меня.

— Я не враг тебе, Вероника, — сказал он тихо.

— А кто ты тогда? — я выплюнула эти слова, как пощёчину. — Мой муж? Мой возлюбленный? Кто ты, Дамиан?

Я ждала ответа. Я хотела услышать его. Хотела знать, кто он для меня — палач, спаситель, судьба или просто случайный попутчик, с которым я застряла в этом бесконечном кошмаре.

Он молчал.

Долго, тяжело, невыносимо.

А потом опустил глаза и сказал:

— Иди спать, Вероника. Утром тебе будет легче.

Это было всё. Ни объяснений. Ни признаний. Ни надежды.

Я развернулась и вышла. Не хлопнула дверью — закрыла тихо, почти ласково. Потому что не было сил на злость. Не было сил на ярость. Была только пустота. Холодная, выжженная, бесконечная пустота.

Я шла по коридору, и каждый шаг давался мне с трудом. Тело горело — не тем холодным, белым огнём, который сжигал меня изнутри в его комнате, а другим — горячим, липким, болезненным. Я чувствовала, как кровь пульсирует в висках, как сердце колотится где-то в горле, как каждый мускул напряжён до предела.

Злость. Она была во всём — в каждом вздохе, в каждом ударе пульса, в каждом движении. Я злилась на Дамиана за его молчание. На Амалию — за её болезнь. На себя — за то, что не могла ничего изменить.

Но где-то глубоко внутри, под слоями ярости и боли, теплилось что-то ещё.

Когда я закрыла дверь своей комнаты и прислонилась к ней спиной, я почувствовала это — странное, пугающее тепло. Оно разливалось по груди, поднималось к горлу, заставляло сердце биться быстрее.

Я ненавидела его. Я ненавидела Дамиана за всё, что он сделал. Но почему-то, когда я смотрела в его глаза, когда слышала его голос, когда чувствовала его присутствие, я забывала о ненависти. Оставалось только это — странное, пугающее, необъяснимое чувство.

Я легла в кровать, уставилась в потолок и попыталась не думать.

Не думать о том, как он смотрел на меня. Не думать о том, как его голос дрожал, когда он говорил «я не враг тебе». Не думать о том, что, может быть, он действительно хотел как лучше.

Но мысли лезли в голову, как змеи, и я не могла их остановить.

Всё моё тело буквально горело от злости. И чего-то ещё.

Чего-то, что пугало меня больше, чем любой враг.

Чего-то, что было сильнее меня.

Я была в объятиях пламени.

Я закрыла глаза и провалилась в темноту, надеясь, чт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.